

ЧУВСТВО ИСТОРИИ

КАЖДЫЙ раз, разворачивая свиток изречений, гласит дальневосточная народная мудрость, обретаю поучительный смысл. Нередко каллиграфически исполненные изречения эти содержат философские и исторические мысли, которые как бы служат связью времен прошлого и грядущего, ибо читаются многими поколениями, переходя от отцов к внукам на протяжении столетий. И чем глубже мысль, чем совершеннее каллиграфическая живопись свитка, тем дольше длится его жизнь.

На стене моей рабочей комнаты висит старинный эстамп, давно уже привезенный из Китая. На черном фоне — белые иероглифические знаки, исполненные искусной рукой каллиграфа: «В чтении постигается книжный вкус. В испытаниях познается мир». А рядом — другой свиток: «Познание древности еще не завершено». Глядя на это изречение, мне всегда хочется добавить: не только древности. Многого не знаем мы даже из новой истории, в том числе совсем недавней.

Ныне время не одиночных или уникальных каллиграфических свитков, как то было в давнюю пору, а многотысячных, универсальных печатных изданий. И поучительный смысл уже не отдельного свитка, а множества книг, метких речений, сюжетов и стиливого их своеобразие стал в наше время каждодневной потребностью, достоянием отнюдь не отдельных ценителей искусства слова и мудрости. Значимость печатного слова общенародна, ибо в нем затаено столь же многое из прошлого, сколько и из будущего. Человечество наделено не только способностью восприятия, но и памяти. Иными словами, есть проблемы, которые невозможно не ставить, притом ставить их необходимо зрело — идеологически и художественно. Речь о том, чтобы аналитически, пристально рассмотреть события и движущие силы быстро текущей нашей эпохи в социально-историческом контексте. Нужно ли доказывать, что с развитием научно-технического прогресса в литературе социалистического реализма все острее встает вопрос о связи традиций и будущего — диалектической связи времен.

Есть географические названия, неразрывно сплетенные с историей дипломатии, и, больше того, с поворотными рубежами в самой истории Старого и Нового света. Разве, к примеру, сказать, не вызывают в сознании ассоциативную цепь понятий такие обозначения, как Версаль... Брест... Локарно... Рапало... Потсдам... Среди названий, обладающих чертами политических символов, значатся и Мюнхен. Мюнхенское соглашение 1938 года, подписанное великими державами Западной Европы, предало Чехословакию, выдало ее Гитлеру и в конечном счете привело к развязыванию второй мировой войны. Суть этого «полюбовногоговора» за спиной Советского Союза и вопреки его предупреждениям о крайней опасности затеянной акции была нам достаточно ясной уже в то время. Она означала умиротворение и поощрение агрессивного государства, попытку «канализировать», по выражению тех лет, его агрессию на Восток, в пределы СССР.

Едва ли есть нужда подробно говорить здесь о том, какую роковую роль сыграл Мюнхен в мировой истории, как он изломал судьбы миллионов людей и как, через кровь и жертвы, привел к разгрому цитадели фашизма в центре Европы. Мир постигается в испытаниях.

Картинами мюнхенского соглашения открывается повесть-хроника Александра Кривицкого «Мужские беседы». И, удивительно, по мере того, как вы углубляетесь в чтение, вас все более охватывает ощущение злободневности всего, о чем рассказывает нам автор. Перед нами проходит вереница людей, возникают их живописные портреты, открывается внутренний их мир. Мы видим генерала Людвига Свободу с его чистым сердцем и подлинно патристической верностью воинскому долгу, проникаемся его зреющим пониманием того, что только совместная борьба с Вооруженными Силами Советского Союза против фашистской армии проложит дорогу к освобождению Чехословакии. Мы осязаем тайники темной души генерала Андерса — он изменил своему слову, обманно увел сформированные в СССР польские дивизии в Иран охранять английский нефтепровод, таскал их за собой по Ближнему Востоку, потом бросил в огонь на второстепенном направлении итальянского фронта, вдали от родины.

Повесть «Мужские беседы» имеет свою меру глубины: она развернута на пространстве времени от Мюнхена до наших дней. Автор предлагает убедительные обоснования того факта, что Атлантический пакт западных держав в ряде его аспектов есть модификация мюнхенского соглашения и попытка путем «стратегического согласия» открыть дорогу агрессии против Советского Союза. В самом деле, разве потворство аг-

Н. ФЕДОРЕНКО,
член-корреспондент АН СССР

рессии Соединенных Штатов со стороны ряда их союзников по НАТО, эти необъявленные войны США против Афганистана, Ливана, Никарагуа и Сальвадора, расправа с Гренадой — разве не напоминают, только еще в большем, глобальном масштабе, зловещие идеи и практику Мюнхена?

Смею сказать и о том, что повесть Александра Кривицкого привлекает образным воплощением размышлений его персонажей о судьбах западной интеллигенции, в том числе той ее части, что внесла и вносит свой вклад в содружество европейских социалистических стран. Характерна в этом смысле судьба знаменитого чешского писателя Карела Чапека. Многие страницы повести посвящены ему, его окружению, всем перипетиям его драмы. Карел Чапек, личный друг двух президентов Чехословакии — Томаша Масарика и Эдуарда Бенеша, под конец жизни горько разочаровался в идее «западной общности», осмыслив, что она окончательно развалилась именно в Мюнхене. Надежда на «западную солидарность», «общие корни культуры» и все прочее, что обращено вспять, не оправдалась.

Не может быть разъятия истины: где царит закон джунглей, не следует искать идеи гуманизма. Крупные хищники общими усилиями заклали на алтаре чистогана небольшую страну. Чапек стучался во все двери, принимал поездку по всем европейским столицам, доказывал государственным деятелям, философам, политикам, писателям, что дело не ограничится Чехословакией. Он встречался с друзьями — Гербертом Уэллсом, Томасом Манном, Лионом Фейхтвангером, Жюлем Ромэном, Францем Верфелем. И он «приходил в ужас от того, насколько еще не подготовлены к твердым решениям те, в кого он верил».

ТЕПЕРЬ, в 80-е годы, гамлеты западноевропейской интеллигенции решают проблему в значительной мере все ту же — «быть или не быть», но уже в весьма осложненном виде и на новый лад: оставаться ли заложниками Белого дома в термоядерной войне или пожать руку сторонникам мира и в их рядах бросить на чашу весов борьбы за жизнь без войн и оружия свой вес и авторитет. Многие известные писатели, люди искусства стали в ряды борцов против ядерной войны. Но есть еще и такие, кто выжидает, раздумывает, присматривается...

Красноречиво и столь же проникновенно передана в «Мужских беседах» эволюция взглядов Чапека, завершенная уже на смертном одре: «... с затрудненным дыханием, он, как ясно-видец, вливал новую надежду в людей, собравшихся у его постели. «Труден будет ваш путь, но все это пройдет», — сказал он, пытаясь изобразить на своем лице улыбку, — «немцы потерпят жестокий разгром... то, что они делают, противно законам человеческого естества».

Что бы сказал Карел Чапек перед лицом нынешней ядерной угрозы? Она не оставляет времени для слишком длительных раздумий. Чапек только в конце жизни пришел к пониманию причин, породивших Мюнхен и его неизбежные последствия. Безжалостная расправа Гитлера с Чехословакией потрясла сознание европейца. Библейская притча об Иуде ожила в новых образах. Поклонение древним камням Европы, вера в незыблемость западной демократии, все, что еще вчера казалось святыней, привычным кругом жизни, — все распалось под натиском тевтонского сапога. Чапек обратил свой взор на Восток — невольно и осторожно.

Урок Чапека — поучительный опыт заблуждения и прозрения. Он необыкновенно важен на нынешнем этапе движения сторонников мира. В повести «Мужские беседы» весьма тонко, человечно и убедительно изображена драма Чапека и путь его духовного роста.

Мною приведены здесь несколько цитат из «Мужских бесед», и, наверно, уже исчерпан ими лимит цитирования. А можно было бы приводить сюжеты и отрывки из книги один за другим, и все они будут интересны, поскольку необычна, своеобразна сама книга — от начала до последней страницы. И в связи с этим утверждением хотелось бы поговорить о жанре, в каком она написана. Это проза, но тот ее вид, какой в русской литературе наиболее выразительно представлен Герценом. Если говорить о Западе, то, обращаясь, скажем, к немецкой литературе, можно было бы называть имя Гейне. Творчество Герцена — это сложное сочетание мемуаров, романа-хроники, цепи новелл, дневника, писем, очерка, даже статьи, собственной биографии. Так возникла несравненная его панорама «Бы-

лого и дум». Как назвать это удивительное жанровое разнообразие? Конечно же, художественной публицистикой. Гейне, как и его русский собрат, разрушил общепринятые формы прозы и соединил в политическом и литературном памфлете элементы новеллистики и очерка, эпичность и лирику, когда создавал, по его словам, это «пестрое лоскутное рукоделье». Так родилось изумительное «Путешествие по Гарцу».

Примеры высокие. Но, вернувшись с классических вершин на грешную землю, сделаем неоспоримый вывод: художественная публицистика — полнокровный и полноправный вид прозы, и автор «Мужских бесед» вновь и вновь талантливо доказывает эту самоочевидную истину. Вы встретите в повести-хронике пластично вылепленные характеры персонажей. Книга насыщена необыкновенными сюжетами и богатством воображения. Живой образ здесь не подменяется голой функцией, как это нередко случается в многолистных водянистых романах с их схемами кибернетического устройства, лишенного чувства, бездушного.

Согласен с теми, кто уже писал о «Мужских беседах» как о большой удаче автора. Статьи появились вслед за публикацией повести в двух номерах журнала «Москва» (№ 11, 12 1982 г.). Теперь она вышла отдельным изданием, и мне показалось уместным затронуть те стороны произведения, каких почти не касались рецензенты.

Вид прозы, привлекающий Александра Кривицкого, плодотворен, но и ответствен. Избранный автором жанр прежде всего — оригинальная школа мысли. Верно говорится, что сердце писателя должно быть обожжено зажигательной его мыслью. Существует один непреложный и неизменный признак истинной литературы, одно условие ее существования — современность, актуальность взгляда. Всегда, во всем, при обращении к истории или даже к древности.

Избранный Александром Кривицким вид прозы необыкновенно емко, он дает возможность автору вносить в его творчество элементы философии и истории, особенно недавней и современной, политической экономии и международных отношений. Слог его удивительно предельно лаконичен и ясен. Художественная публицистика, помимо всего, — сложнейшая форма литературного творчества.

ФАКТ и воображение — как они сочетаются? Каковы рубежи реальности и фантазии? В чем отличие чисто документального труда от повести-хроники, где факт и вымысел тесно соприкасаются и взаимодействуют друг с другом? Не забудем, что, по слову Горького, «факт — еще не вся правда, он — только сырье, из которого следует выплавить, извлечь настоящую правду искусства». Счастлив автор, если он, рассказывая о себе, может рассказать биографию времени — всем ли по плечу решение такой задачи? У нас немного таких произведений, как политический роман или повесть-хроника, где действие происходит на фоне крупных событий современности, где сконцентрированы мысли, споры, мнения. Таких произведений мало, зато их структурное разнообразие уже очевидно. Но никаких исследований, посвященных проблемам этого вида прозы, что-то не припоминается.

Чтение — это всегда диалог, безмолвный диалог наедине с книгой и с самим собой. Я думаю, что эта особенность литературы дает право по-прежнему считать ее наиболее совершенным инструментом познания, наиболее всеобъемлющим средством художественной культуры.

У человечества свои извечные и исконные планы и ожидания. Оно исполнено готовности спасти духовные и материальные ценности в сражении против термоядерной катастрофы. Священный долг людей творчества понять, что ныне социальная актуальность дня больше, чем когда-либо, обращена к вечности.

Однажды в далеком Токио в личном разговоре со знаменитым деятелем кубинской революции Чо Геварой, я узнал, что он когда-то учился на медицинском факультете и увлекался учением Павлова о высшей нервной деятельности, рефлекссах... Я спросил тогда Гевару, к чему же привело его изучение трудов русского ученого. Последовал мгновенный ответ: «К безусловному революционному рефлексу. Я установил его наличие в себе». Литература, движимая идеями социального прогресса, должна, не может не обладать таким свойством. В «Мужских беседах», за всеми деталями повествования, за серьезным и шутливым, за горем или радостью, за внутренним монологом или искрометной репликой, всегда стоит этот самый «безусловный революционный рефлекс», наше слово и наше дело.